

---

¹⁴ РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 31. – Ед. хр. 2625. – Л. 151.

¹⁵ История железнодорожного транспорта России... С. 310.

¹⁶ Там же. С. 311.

Н. П. Гатина

Уральский государственный университет

СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Несмотря на почти 70-летнюю историю своего существования в нашем обществе, номенклатуры как бы и не было. Не только изучение, но и упоминание о ней долгое время находилось фактически под запретом. Только после приостановления деятельности КПСС проблема номенклатуры превратилась в объект исследования. Сегодня необходимо объективно разобраться в этом вопросе, обращая внимание на сущность изучаемого явления, а не на его внешнюю форму.

Тема номенклатуры многие годы считалась запретной. Это подтверждает и тот факт, что в прессе и научной литературе 1930-х – первой половине 1980-х годов термин «номенклатура» не получил широкого распространения. Максимум, что могли себе позволить современники и историки – это изобличение бюрократии, что было поистине неистощимой темой во все времена.

В первые годы советской власти корпус государственных служащих состоял из двух частей: новая советская управленческая бюрократия, исповедавшая коммунистические принципы, и старая управленческая бюрократия, которая либо принимала новую идеологию, либо подвергалась репрессиям. Постепенно, по мере обретения квалификации и знаний, управленцы советской генерации стали доминировать.

В 1923 г. в соответствующих документах были сформулированы основные принципы отбора и назначения работников номенклатуры. Однако эти документы нигде не публиковались. Секретность, закрытость становятся отличительными признаками номенклатурной бюрократии. Не удивительно, что «этот механизм, – как верно отмечал А. Сенин, – не мог быть предметом серьезного изучения»¹. С конца 20-х годов социология чиновничества в СССР на долгие годы оказалась под запретом.

Некоторые аспекты истории номенклатуры рассматривались в работах публицистов и историков, появившихся в последнее время. Но недостаточное, а порой, и полное отсутствие документальных источников приводило к догадкам, предположениям, а иногда и откровенным фальсифика-

циям. В большинстве статей освещалась номенклатурная работа 1930-х и последующих, особенно 1970-80-х годов, оставляя в неприкосновенности 20-е годы. А именно этот период очень важен, так как, не исследовав динамику формирования партийной номенклатуры, мы не сможем выявить механизм становления и укрепления режима власти. Все это делает актуальным как в научном, так и в политическом отношении исследование процесса ее зарождения и упрочения.

С началом перестройки и провозглашением гласности в работах, посвященных критике того же бюрократизма, начинают упоминаться номенклатурные принципы советской системы. Монография М. С. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского союза» впервые была опубликована в Австрии и ФРГ в 1980 г. Затем напечатана во Франции, Италии, Испании, и других европейских странах. И только с введением гласности, данная работа пришла, наконец, в Советский Союз. Исходный тезис М. С. Восленского таков: «уже революция создала в рамках партии монополистический привилегированный слой советского общества. В ходе дальнейшего процесса, состоявшего из ряда фаз, этот слой укрепил и узаконил свое положение. Он не только отгородил себя от общества, от народа, да и от всего мира; даже внутри него самого была воздвигнута иерархия чинов и социальных барьеров: это номенклатура»².

Предшествовавшие М. С. Восленскому авторы называли этот слой «партократией», «кастой», «новым классом», «политической (или партийной) бюрократией», хотя и писали об одном и том же объекте³.

Интересные сведения можно почерпнуть из работ, посвященных исследованию феномена политической элиты, которые во множестве начинают появляться в середине 1990-х гг., когда авторы уже накопили некоторый объем материала, позволяющий делать обоснованные выводы. Следует отметить, что, начиная с этого времени и по сей день среди ученых не существует единого мнения по вопросам, связанным с феноменом советской политической элиты, взаимоотношений элиты и номенклатуры, взаимосвязи кадровой политики партии и советского правительства с внутренними процессами в политической и социально-экономической жизни СССР. В то же время, анализ данных трудов позволяет проследить полемику среди отечественных и зарубежных ученых по обозначенным вопросам, и тем самым определить наиболее малоисследованные и спорные проблемы эволюции кадровой политики в СССР.

В. П. Мохов в статье «Советская номенклатура как политический институт» отмечает, что после событий 1991–1993 гг. политический интерес к проблеме номенклатуры советского общества снизился, однако в настоящее время можно констатировать актуализацию данной проблематики, что связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, существует потребность в научном осмыслении феномена. До настоящего времени, как мы полагаем, не определена (если не считать ряда политических и сильно идеологизированных теоретических формул) роль номенклатуры в истории советского общества, в его социальной жизни, структуре власти. Это создает сильно искаженную картину прошлого, не позволяет расставить правильные акценты в анализе исторических реалий.

Во-вторых, можно полагать, что номенклатура, если она представляет собой действительный институт общества, то она не может мгновенно исчезнуть из жизни общества. Анализ «остаточных» следов номенклатуры, которые при определенных условиях могут вновь превратиться в доминирующие структуры нашей политической жизни, может стать предметом отдельного научного исследования⁴.

В журнале «Вопросы истории» за 1993 г. опубликована статья Т. П. Коржихиной и Ю. Ю. Фигатнер «Советская номенклатура: становление и механизмы действия». В этой статье авторы противопоставляют номенклатурный принцип комплектования штата госслужащих институту частной собственности и имущественного ценза. Под номенклатурой авторы статьи имеют в виду, с одной стороны – профессиональную управленческую группу, выделяемую правящей элитой страны, с другой – документ, определяющий должности в государственном аппарате.

Вхождение в номенклатуру определяется многими условиями: лояльностью, наличием образования и специальной подготовки, деловыми качествами. При этом авторы статьи пользуются теорией югославского социолога Милована Джиласа, описавшего превращение аппарата компартии в новый правящий класс. Таким образом, они уподобили царскую Россию Западной Европе, где управленцев действительно готовит институт частной собственности и имущественного ценза. Значит, Россия до революции не имела отличительных признаков общественного развития, породивших феномен номенклатуры.

Однако это не соответствует истине: в основе номенклатурного принципа лежит более глубокая идея службы государству, а служба играла немаловажную роль в жизни России. Если в Европе сакрализировалась частная собственность и свобода личной инициативы индивидуума, то в России всегда сакрализировалась служба Богу, Царю и Отечеству⁵.

К сожалению, научных исследований феномена советской номенклатуры до сих пор имеется крайне мало – буквально единицы, а специальные исследования, посвященные структуре и динамике доходов господствующего класса Советского Союза, практически неизвестны. Это и неудивительно: современный правящий класс тщательно оберегает тайну своего рождения, реальные истоки своего могущества.

Подводя итог анализу историографии по проблеме, следует отметить, что до настоящего времени кадровая политика в СССР на завершающем этапе индустриальной модернизации не являлась предметом отдельного исторического исследования. В то же время, опубликованные по смежным проблемам труды содержат в себе комплекс ценной информации по изучаемой проблеме, что обусловило необходимость их объективного анализа и изучения.

Сегодня современная российская социологическая мысль переживает процесс мощной и творчески плодотворной актуализации многогранного теоретико-методологического наследия отечественных социологов, посвятивших свои работы проблемам чиновничества как особой социально-профессиональной группы.

Этот процесс актуализации был инициирован и развивается такими известными современными авторами, как И. А. Голосенко, Г. П. Зинченко, В. А. Ядов, Г. Е. Зборовский, А. В. Оболонский, Г. Я. Миненков, Г. В. Пушкарева, О. В. Крыштановская, С. С. Новикова и др. В работах этих исследователей подчеркивается, что изучение нынешних злободневных проблем социологии российского чиновничества требует объективного обращения к истории отечественной социологической мысли, к итогам ее теоретико-методологического поиска.

---

¹ Чевтаева Н. Г., Юшин А. М. Советский период: социология чиновничества под запретом. // Чиновник. - 2006. - 306 (43). С. 34.

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.— М.: "Советская Россия" совм. с МП "Октябрь", 1991. С. 4.

³ Там же.

⁴ Мохов В. П. Советская номенклатура как объект научного анализа. // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. Вып.1.Пермь, 2000. С. 62-71.

⁵ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия.// Вопросы истории. 1993, №7. С. 57.

С. В. Голикова

Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОЧНИКИ ПО РЕКРУТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ УРАЛА И ИСТОРИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Диалектика взаимодействия исторической науки с историческим источником наглядно проявляется в появлении новых объектов изучения. Не следует думать, что рекрутские ритуалы представляют интерес только для этнологии. Определяя ключевые задачи такого нового для военной исто-